

18+

АЙРАТ ШАВАЛИЕВ

Последний рубеж хранителя

КНИГА ПЕРВАЯ

Айрат Шавалиев

**Последний рубеж
хранителя. Первая книга**

«Издательские решения»

Шавалиев А.

Последний рубеж хранителя. Первая книга / А. Шавалиев —
«Издательские решения»,

Мистика. «Последний рубеж Хранителя» Айрата Шавалиева — фэнтези о простом человеке Олеге, принявшем судьбу Хранителя Книги Рун. Вместе с соратниками Андреем, Сашей и Мариной он вступает в бой против темного ковена ведьм во главе с Морганой ради спасения нашего мира.

© Шавалиев А.

© Издательские решения

Содержание

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ ХРАНИТЕЛЯ	6
Автор: Айрат Шавалиев	6
Глава четвертая. Выстрел из пальца	11
Глава пятая. Проектор прошедших снов	13
Глава седьмая. Полночный диалог у подъезда	16
Глава девятая. Прикрытие для Штирлица	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Последний рубеж хранителя Первая книга

Айрат Шавалиев

© Айрат Шавалиев, 2026

ISBN 978-5-0071-1056-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-1057-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ ХРАНИТЕЛЯ

Автор: Айрат Шавалиев

Книга первая. Глава первая. Гроза

В июле 1977 года наш город задыхался от зноя. Он насквозь пропитался запахами раскаленного асфальта, озерной влаги и тяжелого, сизого заводского дыма, который в безветренные дни плотным саваном прижимался к плоским крышам панельных пятиэтажек. Мне тогда только-только исполнилось семь. Мир вокруг казался бескрайним, шершавым от облупившейся штукатурки домов и бесконечным, как ожидание школы.

В тот день на Южный Урал обрушилась стихия. Гроза напозла на город стремительно, тяжелой чернильно-фиолетовой стеной со стороны озер. Налетел шквалистый ветер такой силы, что вековые тополя во дворе гнулись к самой земле, со свистом теряя листву. Мы с братом и дворовой ребятней гурьбой попрятались в подъезде. Прижав носы к холодным стеклам, мы заворуженно смотрели, как ломаные стрелы молний полосуют потемневшее небо, а раскатистый грохот грома заставляет мелко дрожать хлипкие оконные рамы.

А затем всё стихло. Так же внезапно, как и началось. В воздухе завис густой, влажный запах озона и мокрой земли. Мы с криками высыпали во двор, шлепая по лужам глубиной по щиколотку, в которых плавали оборванные ветки и листья. Но привычные качели и песочница быстро наскучили — наше внимание привлекла дорога. Там, где высились накренившиеся столбы линий электропередач, ураган натворил настоящих бед. Деревья лежали поваленными, вырванные с корнем, а между ними сиротливо и опасно провисали тяжелые алюминиевые провода.

— Эй, глядите! — крикнул кто-то из старших мальчишек. — Погнали туда!

Обходить завалы стороной никому и в голову не пришло. В семь лет о смерти не думаешь — думаешь только об увлекательном приключении. Мы полезли напролом через мокрые переплетения стволов и ветвей. Обувь скользила по ободранной влажной коре.

Я до сих пор помню то мгновение во всех пугающих подробностях: скользкий сук уходит из-под ноги, и я теряю равновесие. Падая вперед, я инстинктивно выбросил вперед левую руку и ухватился за первое, что попало, — холодный, покрытый каплями дождя металлический провод, свисающий сверху.

В ту же секунду мир вокруг перестал существовать.

Не было боли — по крайней мере, в привычном понимании этого слова. Возник страшный, вибрирующий гул, заполнивший черепную коробку изнутри. Меня с силой швырнуло на раскисшую землю, но пошевелиться я не мог. Легкие словно окаменели: я отчаянно пытался сделать хотя бы короткий вдох, но грудную клетку сдавило безжалостными железными тисками. Всё мое тело была мелкая, непрерывная дрожь, от которой зубы крошились, скрежеща друг о друга.

Самым страшным было то, что я оставался в сознании и всё слышал. Мозг работал с неестественной, кристальной ясностью. Сначала пацаны смеялись. Им показалось, что я просто валяюсь в грязи и корчу рожи, дурачась.

— Олег, хорош притворяться! Вставай уже давай! — донесся сквозь гул в ушах приглушенный голос Игоря.

Потом послышались шаги. Игорь подошел ближе, наклонился и потянулся ко мне. Но брат вовремя среагировал: оттолкнул его назад, не дав прикоснуться к моему плечу, и испуганно закричал:

— Не трогай! Там ток! Его током бьет!

Двор моментально взорвался паникой. Ребята кричали мне: «Разожми! Разожми руку!», но пальцы, левой руки будто намертво приварились к металлу. Собственное тело мне больше не подчинялось. Перед глазами поплыли серые круги, сознание медленно угасало, утягивая меня в глухую ледяную бездну.

И в самый последний момент, когда я уже готов был окончательно сдаться и закрыть глаза, сквозь визг перепуганных детей пробился чужой, взрослый голос. Он прозвучал откуда-то сверху — удивительно спокойно, властно и твердо:

— Палок кругом полно... Хватайте сухие палки и бейте по руке! Живо!

Удар. Еще один. Сухой треск дерева о мое запястье.

Оцепенение спало, пальцы наконец разжались, и зловещий провод отлетел в сырую траву.

Я судорожно, со свистом втянул в себя воздух. Горло и легкие горели так, словно в них плеснули бензина и подожгли. Я лежал в грязи на боку, а надо мной суежилась бледная, напуганная детвора. Мой брат дрожащими руками тряс меня за плечи, пытаюсь привести в чувство.

Но того мужчины, чьему спасительному совету они последовали, нигде не было. Он словно растворился в сыром, пахнущем озоном воздухе сразу после того, как произнес эти слова...

Глава вторая. Черные метки и чужие голоса

Мы возвращались домой в полном молчании. Высохшая грязь на коленях стягивала кожу серой коркой, а промокшая насквозь рубашка неприятно липла к лопаткам. Брат шел чуть впереди, изредка бросая на меня косые, испуганные взгляды. Ему было двенадцать — возраст, когда уже начинаешь смутно понимать, что такое смерть, но всё еще боишься родительского гнева гораздо больше, чем загробного мира.

— Молчи, — не оборачиваясь, тихо буркнул он, когда мы подошли к подъезду. Я шел, плотно засунув левую руку в карман шорт — ладонь пульсировала тупой, ноющей болью, но я боялся даже взглянуть на нее. — Только отцу попробуй сказать — он с нас обоих шкуру спустит за эти провода.

Я послушно кивнул. Говорить не хотелось и мне. Внутри всё еще мелко дрожала какая-то невидимая струна, а в ушах стоял тонкий, свербящий зуд, похожий на монотонное гудение трансформаторной будки.

В прихожей пахло жареной картошкой и резким, чистым духом хозяйственного мыла. Мать встретила нас у самого порога. Стоило ей взглянуть на меня, как её брови тревожно взметнулись:

— Господи, Олег, на тебе лица нет! Почему ты такой бледный? И губы совсем синие...

Я сильнее сжал кулак в кармане, глубже прячу руку, и отвел глаза, с трудом расстегивая правой рукой непослушные ремешки на сандалиях:

— Голова... разболелась. Наверное, из-за грозы, на улице очень душно.

Она приложила прохладную ладонь к моему лбу, озабоченно покачала головой и отправила меня мыть руки. Я юркнул в ванную, включил холодную воду и только тогда решился вытащить левую руку. Кожа на ладони была содрана, а поперек пальцев тянулась уродливая, серовато-белая полоса ожога, окруженная покрасневшей кожей. Я быстро ополоснул её, шипя сквозь зубы от резкой боли, и тщательно вытер полотенцем, стараясь не оставить следов крови. Брат в это время уже юркнул в нашу комнату, стараясь не привлекать к себе внимания. Наша страшная тайна осталась между нами.

Уже ночью, когда в квартире погасили свет, и за окнами воцарилась глухая темнота, я остался один на один со своим телом. Стянув шорты перед тем, как лечь под простыню, я вдруг замер. На правом бедре, чуть выше колена, темнели две небольшие, странные отметины. Это были ожоги — круглые, с неровными обугленными краями, похожие на следы от прикуренных сигарет, но кожа вокруг них была сухой и мертвенно-белой. Ладонь левой руки тоже горела огнем, стянутая сухой коркой ожога.

Я робко дотронулся до отметин на ноге пальцем. Боли там не почувствовал — лишь странное, глубокое онемение.

Только много лет спустя, листая медицинские справочники, я пойму: левая рука, державшая провод, была точкой входа. Правое бедро, через которое электрический разряд ушел в землю, — точкой выхода. Электрическая дуга прошла по диагонали, наискосок через мое детское сердце. Физика неумолима: после подобного удара выживают единицы. Но я не просто выжил. Мое тело приняло этот колоссальный заряд и навсегда изменило свою полярность.

Той ночью лихорадка накрыла меня с головой.

Отец потом рассказывал маме, что я страшно бредил: метался по постели, сбивал подушку и что-то хрипел, захлебываясь неразборчивыми словами. Но сам я помнил вовсе не бред. Я помнил сны.

Это были не те обычные детские сновидения, где ты убегаешь от сказочных монстров или летаешь над крышами. Меня затащило в бесцветное, пустое пространство. Вокруг не было ни стен, ни неба — только серая, плотная взвесь, похожая на пепел или густой туман. И в этой зловещей пустоте со мной кто-то разговаривал.

Этот голос не звучал в ушах. Он рождался прямо внутри черепной коробки, вибрируя на той самой частоте, на которой гудел тот злополучный провод. Голос был нечеловеческим — плоским, напрочь лишенным интонаций, но при этом пугающе отчетливым. Он говорил на языке, слов которого я никогда не знал, но каким-то чудом понимал их общий смысл:

«Связь установлена... Приемник открыт... Теперь ты слышишь нас...»

Я отчаянно пытался закричать, проснуться, вырваться из этого вязкого тумана, но чьи-то невидимые, тяжелые руки удерживали меня на месте. Кто-то стоял за моей спиной в этом сером нигде. Я не видел его лица, но чувствовал присутствие каждой клеточкой кожи — присутствие чего-то бесконечно старого и леденящего.

Утром я проснулся разбитым. Простыня была мокрой, хоть выжимай, голова казалась тяжелым чугунным шаром. Но солнце уже во всю светило сквозь тюль, на кухне шумело радио, передавая утреннюю гимнастику, и ночной кошмар быстро отступил, как уходит любой детский страх перед лицом нового дня. Ожоги на бедре и ладони подсохли и покрылись темной корочкой. Я натянул штаны, стараясь не задевать больную руку, побежал завтракать, и постепенно всё забылось.

Три года я жил самой обычной жизнью советского школьника. Выводил буквы шариковой ручкой, собирал макулатуру, дрался за гаражами. Но электрический след внутри меня никуда не делся. Он просто затаился, терпеливо ожидая своего часа. И когда мне исполнилось десять, плотина рухнула.

Детская память милосердна — она стирает то, что мозг не способен переварить.

Глава третья. Зрение наизнанку и хозяин пятого этажа

В восьмидесятом, в год знаменитой московской Олимпиады, я почти позабыл о том случае с оборванным проводом. Светлый шрам на левой ладони и отметины на правом бедре давно побледнели, превратившись в безобидные следы, на которые я не обращал никакого внимания. Жизнь катилась по привычной колее: уроки, сбор металлолома во дворе, дневные сеансы в кинотеатре «Дружба» да вечные поиски заветных копеек на фруктовое мороженое.

Но именно тогда, когда мне исполнилось десять, привычный мир вокруг начал незаметно менять свои очертания.

Сначала это проявилось как странная, обостренная телесная чувствительность. Я научился чувствовать пространство... спиной. Поначалу мне казалось, что я просто накручиваю себя, но с каждым днем это ощущение становилось всё более отчетливым. Это не было интуицией в чистом виде — скорее, на затылке открылся какой-то невидимый тепловой рецептор. Шагая по улице, я с абсолютной точностью определял, на каком расстоянии сзади идет

прохожий, мужчина это или женщина, и даже предугадывал, в какую сторону он свернет через секунду. Затылок словно научился «видеть» плотные физические контуры вещей.

В те годы на городских улицах хватало шпаны. Ребята постарше, одетые в заношенные спортивные олимпийки и кепки-восьмиклинки, целыми днями кучковались возле гастрономов и кинотеатров. Их излюбленным развлечением было «трясти» мелочь у тех, кто помладше. Отобрать у пацана законные пятнадцать копеек, выпрошенные у родителей на эскимо или билет в кино, считалось у них делом обыденным.

В один из жарких летних дней я шел к киоску «Мороженое». В кармане приятно побрякивали монеты. Но еще издали я заприметил у будки троих местных хулиганов. Они лениво лужгали семечки, высматривая в толпе легкую добычу. Связываться с ними не хотелось. Решив обойти опасность стороной, я развернулся и спокойно зашагал обратно, к своему двору.

И тут затылок буквально ошпарило ледяным сквозняком.

Не оборачиваясь, я со стопроцентной ясностью «увидел», как один из парней — длинный, прыщавый переросток в истоптанных кедах — отделился от компании и быстро пошел за мной. Дистанция стремительно сокращалась: десять метров, пять, три... Я физически ощущал его тяжелую, крадущуюся поступь, буквально кожей чувствовал, как он заносит руку, чтобы грубо схватить меня за плечо и развернуть к себе.

В самый последний миг я резко, на одном дыхании, обернулся сам.

Наши взгляды столкнулись. Я не знаю, что именно он прочитал в моих глазах. Может, на дне моих зрачков на долю секунды вспыхнул тот самый синеватый искрящийся разряд из далекого семьдесят седьмого года, а может, его просто испугал мой мертвенно-холодный, совсем не детский взгляд в упор. Хулиган оцепенел с протянутой рукой, словно с разбегу налетел на невидимую стену. Лицо его мгновенно побледнело, рот глупо приоткрылся. Судорожно сглотнув, он медленно опустил руку, а затем резко развернулся и почти бегом бросился назад, к своим опешившим приятелям.

Я так и остался стоять на раскаленном асфальте, до боли сжимая в кармане монеты. Сердце колотилось где-то у самого горла, но вместе с испугом во мне крепло странное, незнакомое доселе, почти пьянящее чувство силы.

Но если на улице я теперь мог постоять за себя, то дома правила игры были совсем другими.

Наша семья жила в обычной панельной хрущевке на пятом этаже. Казалось бы — типовая советская коробка из бетона и железобетона, откуда здесь взяться древней мистике? Но именно в этих четырех стенах я начал различать звуки, которые явно не предназначались для человеческого слуха.

По вечерам, едва родители гасили свет и в комнатах воцарилась ночная тишина, квартира словно оживала. На кухне то и дело раздавались странные шорохи. Сначала я списывал всё на мышей или оседающую от времени старую мебель. Но звуки были слишком уж ритмичными, осознанными. Кто-то невидимый расхаживал по линолеуму мягкими, но тяжелыми шагами. Порой я отчетливо слышал, как тихонько звякает посуда в сушилке или шелестит бумажный пакет с крупой.

Однажды ночью я проснулся от отчетливого ощущения, будто кто-то сидит на краю моей кровати. Матрас под тяжестью незримого гостя заметно прогнулся, а в ногах разлилось живое, плотное, почти осязаемое тепло.

— Брат, ты спишь? — едва слышно позвал я.

С соседней кровати донеслось лишь мерное, спокойное сопение. Брат спал богатырским сном.

Я медленно повернул голову туда, откуда исходило тепло. Разумеется, там никого не было. Но сам воздух в комнате словно сгустился, превратившись в тягучий кисель. Именно тогда ко мне пришло ясное понимание: это был Домовой. И он пришел не пугать меня. Он

просто обозначал свое незримое присутствие, приглядывая за странным мальчиком, который однажды сумел выжить после смертельного удара током.

Я зажмурился и мысленно попросил его не шуметь. Шорохи на кухне постепенно затихли.

Мир окончательно перестал быть простым и понятным. Он раздвоился: с одной стороны текла обычная пионерская жизнь с ее линейками и сборами, а с другой — дышало темное, невидимое пространство, которое теперь пристально наблюдало за мной.

Глава четвертая. Выстрел из пальца

Лето в ту пору казалось бесконечным временем абсолютной, пьянящей свободы. Мы целыми днями были предоставлены сами себе, возвращаясь домой только к сумеркам. Главным же сокровищем любого дворового пацана, мерилом его гордости и зависти сверстников, оставался велосипед. Обладание собственным двухколесным транспортом — будь то скромный подростковый «Школьник» или тяжелый взрослый «Урал» — возводило хозяина в ранг неприкасаемых.

В тот день мы с моим другом Димой катались на его велосипеде. Я устроился на узкой железной раме. Ехать было жестко, неудобно, на каждой колдобине я больно бился коленями о руль, но разве такие мелочи могли остановить десятилетних мальчишек? Мы катили по пыльной, заросшей подорожником улочке частного сектора, когда из-за угла навстречу нам вывернула компания подростков. Парням было лет по тринадцать-четырнадцать — те самые негласные дворовые авторитеты, от которых за версту разило дешевым табачным дымом и наглой вседозволенностью.

Они сразу перегородили нам дорогу, выстроившись цепью.

— Слышь, мелюзга, тормози! — вальяжно крикнул их вожак, рослый парень в синем, растянутом на коленях трико. — Дай прокатиться!

Мы прекрасно знали цену этим «прокатиться». После такого тест-драйва велосипед можно было вообще не вернуть, либо забирать его потом с погнутыми спицами и порванной цепью. Мой друг не растерялся: он резко вильнул рулем в сторону, огибая хулиганов по ухабистой обочине, и изо всех сил налег на педали.

— Ах вы, гаденыши! Стоять! — яростно заорали сзади.

Они бросились в погоню. Преследователи бежали быстро, а наш велосипед, нагруженный двоими, шел тяжело, со скрипом преодолевая сопротивление дорожной пыли. Вначале я сидел лицом вперед, судорожно вцепившись пальцами в руль прямо поверх ладоней друга. Но когда сзади послышался близкий топот, я повернулся на раме боком, чтобы видеть погоню.

Расстояние стремительно сокращалось. Вожак в трико уже летел буквально в двух шагах, вытянув руку вперед и пытаясь ухватиться за хромированный багажник. Его лицо было злым, перекошенным от азарта близкой добычи.

И в этот миг внутри меня поднялась волна глухого, горячего раздражения. По позвоночнику снизу вверх побежала знакомая судорожная дрожь — точь-в-точь как тогда, летом семьдесят седьмого года, когда я лежал на мокрой траве после удара током.

Не думая о последствиях, я вскинул руку, направил указательный палец в лицо бегущему вожаку и по-детски выпалил: — Пиф-паф!

Это была чистая мальчишеская бравада, жест отчаяния. Но в момент «выстрела» в кончиках моих пальцев словно щелкнул невидимый тумблер высокого напряжения. Воздух перед моей ладонью на долю секунды пошел рябью и сгустился, как от резкого теплового удара.

Парень, бежавший первым, вдруг неестественно дернулся всем телом, словно на полном ходу налетел грудью на невидимый, упругий брус. Он потерял равновесие, взмахнул руками и с коротким криком полетел на пыльную дорогу, растянувшись в грязи. Второй хулиган, бежавший следом, испуганно затормозил, едва не наступив на упавшего товарища. Он так и остался стоять посреди улицы с вытаращенными от недоумения глазами, растерянно переводя взгляд то на стонущего вожака, то на меня.

Мой друг навалился на педали всем телом, и наш велик, вильнув, скрылся за спасительным поворотом, оставив преследователей далеко позади.

— Слышал, как этот лопух грохнулся? — тяжело дыша, спросил Дима не оборачиваясь. — Под ноги вообще не смотрит! На ровном месте споткнулся. — Ну да... лопух, — тихо отозвался я, глядя на собственные пальцы.

Кончики пальцев всё еще мелко и покалывающе зудели, будто я только что держал в руке круглую батарейку. Я отчетливо понимал: парень упал вовсе не сам. Это я нажал на какой-то невидимый курок глубоко внутри себя. Но делиться этим открытием с другом было бессмысленно — кто поверит фантазиям десятилетнего мальчишки?

Мы вырастаем, послушно пряча свои тайны под толстый панцирь скучной повседневности, но искра, однажды пробившая сердце, продолжает тихо тлеть в глубине души, дожидаясь своего часа.

Глава пятая. Проектор прошедших снов

Листки календаря осыпались один за другим, унося с собой беззаботное детство. Девяностые годы накатили на город серой, мутной волной, безжалостно смывая остатки советского уюта и привычного покоя. Это была лихорадочная, тревожная эпоха, когда каждый выживал как умел, а само слово «стабильность» казалось непозволительной, почти сказочной роскошью. Но для меня 1994 год стал рубежом — я женился. Молодость брала свое: казалось, что впереди целая вечность, а любые невзгоды — лишь временные препятствия на пути. Я работал водителем, изо дня в день крутил баранку по разбитым городским дорогам, а в девяносто пятом у нас родилась дочь. Мы назвали ее прекрасным именем Маргарита.

К тому времени мы успели перебраться в панельную десятиэтажку на самую верхотуру — десятый этаж. Окна нашей квартиры выходили на оживленную внешнюю улицу. Скопив кое-какие деньги, я приобрел свой первый личный автомобиль — подержанную «шестерку» ВАЗ-2106. В те лихие годы владение машиной, пускай и изрядно побегавшей, было одновременно и предметом гордости, и постоянным источником головной боли. Сигнализации тогда стояли самые примитивные, дворы тонули в непроглядной тьме, а угоны происходили чуть ли не каждую ночь.

В одно обычное рабочее утро я проснулся спозаранку. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить спящую жену и маленькую Риту, мирно посапывающую в своей детской кроватке, я накинул на плечи легкую куртку и вышел на балкон — подышать прохладным рассветным воздухом и перекурить перед сменой. Тихо чиркнула зажигалка. Облокотившись на перила, я лениво скользнул взглядом вниз, туда, где накануне вечером припарковал свою «шестерку».

Там было пусто.

Вместо привычного силуэта машины на сером асфальте сиротливо чернел голый, заброшенный окурками клочок земли.

Сердце на мгновение остановилось, а затем бешено, до глухой боли заколотилось в горле. Адреналин ударил в виски с такой силой, что перед глазами на секунду поплыли темные круги. Отбросив сигарету, я пулей вылетел в прихожую. Ждать медлительный лифт не было времени — я буквально полетел вниз по бетонным лестничным пролетам, перепрыгивая через три ступени, хрипло переводя дыхание в гулком подъезде. Выскочив на улицу, я бросился за дом, до последнего надеясь на чудо.

Но чуда не случилось. Машину угнали.

Мобильные телефоны в те годы были сказочной роскошью, доступной лишь «новым русским» да бандитам, так что бежать к ближайшему таксофону-автомату или ломиться к соседям в такой ранний час казалось глупой затеей. Я растерянно метался по сырому двору, до боли сжимая кулаки от бессильной злости, как вдруг...

Вдруг меня словно прошило насквозь раскаленной иглой.

В голове с отчетливым щелчком запустился невидимый кинопроектор, стремительно прокручивая кадры. Пленка памяти отмоталась ровно на двое суток назад. Я замер посреди двора, пораженный внезапной, леденящей догадкой: я ведь уже видел всё это.

Два дня назад мне приснился сон. Точь-в-точь, до мельчайших, пугающих деталей. Меня снова затянуло в то бесцветное, серое пространство из детства, похожее на густую пепельную взвесь. И нечеловеческий, плоский голос без интонаций тихо произнес прямо в сознании: «Смотри...». А затем перед глазами прокрутился этот балкон, пустое место внизу на асфальте, мой сумасшедший бег по лестнице десятого этажа и это бессильное стояние во дворе. Тот сон был ясным, четким предупреждением. Но я, ослепленный дневной суетой и взрослыми заботами, просто отмахнулся от него, посчитав обычной ночной фантазией.

Это был жестокий, но справедливый урок. Мой дар пытался уберечь меня, но я оказался глух к его безмолвному шепоту.

Иногда судьба стучится в наши двери тихим ночным шепотом. И если мы закрываем уши, ей приходится говорить с нами на суровом языке потерь.

Глава шестая. Голос из древней книги

После угона машины плотина, которую я годами возводил внутри себя, дала глубокую трещину. Необъяснимая сила, дремавшая со времен велосипедной погони за гаражами, принялась пробиваться наружу с пугающей регулярностью.

Нередко, когда я сидел за рулем и вел машину по городским улицам, привычная реальность вдруг на долю секунды расслаивалась. Это напоминало внезапную вспышку на старой киноплёнке: перед глазами смутно проступали совсем другие дома и улицы, мимо проплывали скругленные, тяжелые «Победы» и «Волги» из пятидесятых годов, а по тротуарам шли прохожие в странных, старомодных пальто и шляпах. В эти мгновения я физически ощущал себя частью той, чужой эпохи. А затем — короткий щелчок, и наваждение исчезало, возвращая меня в дребезжащий салон рабочего автомобиля из суровых девяностых.

В другие дни меня донимали приступы мощнейшего дежавю. Глядя на очередную дорожную развязку или случайного прохожего, я с абсолютной точностью понимал, что эта сцена уже разыгрывалась со мной прежде — вплоть до случайного взмаха руки незнакомца или надсадного рева проезжающего мимо КамАЗа.

Я всерьез испугался, что схожу с ума. Интернета в те годы еще не было, и информацию о подобных вещах приходилось собирать буквально по крупинам. Моим спасением стал знаменитый книжный развал на улице Советской. В те годы там прямо с деревянных лотков и шатких раскладушек торговали подержанными томами. Я превратился в постоянного посетителя этих развалов. Тратя последние сбережения, я скупал всё, что хоть как-то касалось эзотерики, толкования снов и паранормальных явлений.

Однажды среди потрепанных, пыльных обложек мне попался увесистый том по Каббале — древнему мистическому учению о тайнах мироздания. Книга словно притянула меня к себе невидимым магнитом. Принеся ее домой, я начал читать, буквально вгрызаясь в сложные, туманные формулировки. Я перечитывал одни и те же абзацы по несколько раз, отчаянно пытаясь отыскать ключи к тем странностям, что происходили со мной с семилетнего возраста.

Был поздний зимний выходной вечер. В квартире установилась чуткая ночная тишина, домашние давно спали. Я лежал на диване под бледным светом настольной лампы, вчитываясь в очередную главу. От усталости буквы начали расплываться, веки отяжелели, и я стал медленно проваливаться в полудрему. Книга тихо опустилась мне на грудь.

И вдруг эту сонную тишину разорвал звук.

Это не было сном. Голос прозвучал в реальном пространстве комнаты, прямо над моим ухом — низкий, рокочущий, осязаемо плотный мужской бас, от вибрации которого, казалось, качнулся абажур:

— СМЕРТИ ИЩЕШЬ?

Я подскочил на диване так, словно меня снова ударило током. Сердце испуганно заколотилось о ребра, лоб мгновенно покрылся испариной. Я дико огляделся по сторонам — комната была абсолютно пуста, за окном беззвучно падал густой снег, а лампа всё так же ровно освещала раскрытые страницы. Но липкий страх, сковавший тело, был слишком реален.

С той памятной ночи ко мне пришло твердое, окончательное понимание: я не один. Нечто невидимое сопровождало меня шаг в шаг всю мою жизнь. Эта сущность не несла зла — напротив, она оберегала меня, выступая в роли строгого Хранителя, уводя от опасных дорог и закрывая двери туда, куда мне соваться не следовало. Но если я проявлял излишнее упрямство или пытался досрочно заглянуть в тайны, к которым еще не был готов, Хранитель умел преподносить такие уроки, от которых волосы вставали дымом.

С тех пор я стал учиться слушать его безмолвный шепот. И совсем скоро этот голос спас мне жизнь.

Тот, кто пытается заглянуть за занавес чужого мира, должен помнить: безмолвная бездна по ту сторону тоже умеет говорить. И ее голос всегда звучит как предупреждение.

Глава седьмая. Полночный диалог у подъезда

Я отчаянно пытался закрыться от мистики. Как мог замуровывал себя в привычной рутине, малодушно отмахивался от странных предчувствий и с головой уходил в повседневные заботы о семье, работе и маленькой Маргаритке. Какое-то время мне даже казалось, что это сработало. Шторм улегся, вода успокоилась, и я снова превратился в самого обычного человека.

Но октябрь 1999 года стер эту иллюзию в один миг.

Было далеко за полночь — около часа ночи. Я возвращался со смены уставший, насквозь продрогший под порывами сырого осеннего ветра. Дворы в те годы погружались в кромешную тьму: редкие уличные фонари горели через один, выхватывая из мрака лишь блеклые желтоватые круги на асфальте.

Проходя мимо деревянной лавочки у нашего подъезда, я заметил сгорбленный силуэт. На скамье неподвижно сидел старик. Наброшенный на его плечи темный плащ практически сливался с ночной тенью, лица в полумраке было не разглядеть. Я мельком подумал: «Ну сидит и сидит, мало ли кому не спится», — и сделал шаг к дверям подъезда.

И в этот момент в звенящей тишине моей черепной коробки раздался голос.

Он не имел ничего общего со звуками, приходящими извне. Он прозвучал в голове так отчетливо и громко, словно динамик включили прямо за моими ушами:

«Стой где стоишь».

По спине мгновенно пробежал ледяной пот. Единственным желанием было сорваться с места, влететь в подъезд, подняться по лестнице на свой десятый этаж и захлопнуть за собой дверь. Но ноги вдруг налились свинцом. Меня сковало то самое липкое, парализующее чувство из кошмарных снов, когда ты отчаянно пытаешься бежать от угрозы, но стоишь на месте, словно намертво врос в землю.

Как назло, во дворе не было ни души. Ни единого прохожего, чтобы окликнуть, попросить прикурить, хоть как-то разорвать этот вязкий морок.

А голос продолжал звучать — спокойный, размеренный, вибрирующий в каждой клетке моего тела:

— И сколько ты еще будешь бегать от нас? Мы выбрали тебя.

Я попытался ответить. Я не шевелил губами, но мысль сама устремилась во внутреннее пространство диалога:

— Меня?

Со стороны это, должно быть, выглядело странно и дико: посреди ночи во дворе замер молодой мужчина, глядя в пустоту и замерев в неестественном оцепенении. Но внутри меня в эти секунды разворачивалась драма.

— Да, тебя, — подтвердил голос. — Помнишь июль семьдесят седьмого года? Удар током. Это ведь я тогда спас тебя.

Память мгновенно воскресила образ мокрой травы, искрящегося провода и того самого взрослого голоса, скомандовавшего перепуганным мальчишкам бить по моей руке палками.

— Кто ты? — мысленно выдохнул я, чувствуя, как кровь тяжело пульсирует в висках.

— Я тот, кто вел тебя все эти годы. Тот, кто оберегал тебя. Пришло время посвятить тебя в тайны.

— Я не хочу! — запротестовало всё мое существо.

— А твоего «хочу» никто и не спрашивает, — голос прозвучал без злобы, но с абсолютной, непреклонной властью. — Но не бойся.

— Я умру? — этот вопрос вырвался сам собой, пока по шее катились крупные капли холодного пота.

— Глупец, — тихо, едва уловимо усмехнулся голос в моей голове. — Разве я оберегал тебя столько лет для того, чтобы убить? Сегодня ночью ты увидишь сон. Я открою тебе лишь крошечную часть тайны. Я буду рассказывать их тебе постепенно, иначе ты попросту сойдешь с ума.

И в этот момент — резкая, ослепительная вспышка белого света прямо перед глазами.

Я судорожно дернул головой и часто заморгал, сбрасывая наваждение. Тело мгновенно ожило, кровь шумно хлынула в уши. Передо мной, всего в шаге, стоял сосед из второго подъезда. Он чиркал дешевой пластмассовой зажигалкой, поднося огонек к сигарете.

— Опять заснул на ходу, Олег? — весело спросил он, глубоко затягиваясь. — Что с тобой?

Я растерянно моргал, пытаюсь прийти в себя и глядя на его простое, живое лицо:

— А... что? Да нет, ничего. Задумался просто.

— Да ты стоишь тут как изваяние минуты три! Я тебе «привет» говорю, а ты молчишь, в одну точку уставился.

Я медленно повернул голову к лавочке. Она была абсолютно пуста. Ни старика, ни темного плаща, ни малейшего следа чьего-либо присутствия. Только опавшие листья тихо шуршали под порывами ночного ветра.

— Да так... задумался, — выдавил я блеклую улыбку, развернулся и быстро вошел в темный проем подъезда.

Но я точно знал: этой ночью уснуть мне уже не удастся.

Мы можем сколько угодно прятаться за стенами домов и привычным укладом жизни, но те, кто держит нити нашей судьбы, знают ключи от всех наших дверей.

Глава восьмая. Чертежи иных дорог

Этой ночью я твердо решил не спать. Я метался между двумя догадками, не понимая, что со мной происходит: то ли это было настоящее, пугающее откровение, то ли разум просто сдался под натиском дикой усталости после бесконечных часов за рулем. Но какое-то глубинное, почти животное чутье подсказывало: это не безумие. Разум меня не обманывал.

Дома все давно спали. В тишине квартиры размеренно и громко тикали настенные часы. Я заварил себе чашку невыносимо крепкого, черного кофе, надеясь разогнать липкий морок. Но вместо бодрости кофеин принес лишь глухую, тяжелую пульсацию в висках; давление подскочило так, что перед глазами поплыли радужные круги. «Ну вот, теперь точно не усну», — безрадостно подумал я.

Чтобы не тревожить жену и четырехлетнюю Маргаритку, я тихонько прикрыл дверь спальни и устроился в гостиной на диване. Включил телевизор, скрутив звук почти до нуля — так, чтобы экран лишь слабо мерцал в темноте синеватым светом ночного эфира, и прилег, натянув на плечи шерстяной плед.

Я и сам не заметил, как тонкая грань между реальностью и полудремой окончательно истончилась. Не было привычного ощущения падения в сон — просто в звенящей пустоте моей головы снова зазвучал тот самый ровный, вибрирующий голос.

— Нам стало труднее добираться сюда, — глухо произнес он. — Они каждый раз разрушают дорогу.

— Кто — они? — мысленно спросил я, чувствуя, как невидимый обруч снова сжимает грудную клетку.

— Не перебивай! — раздраженно отрезал голос. — Ведьмы. И те, кто им прислуживает. Они прочно обосновались в вашем мире. Твоя задача — не дать им здесь развернуться. Я научу тебя, как с ними бороться.

— Но почему я?.. И разве у вас с ними не один мир?

— Ты невнимателен, — холодно отозвался незримый собеседник. — Я же сказал: нам тяжело пробиваться к вам. Они разрушили дороги, скоро закроют порталы, и теперь вся надежда здесь — только на вас.

— Значит, я не один? — в груди шевельнулась робкая надежда.

— Глупец, конечно нет, — голос коротко, язвительно хмыкнул. — Но об этом позже. Или ты уже испугался? Эх, людишки... Что с вас взять.

Он замолчал на мгновение, давая мне переварить услышанное, а затем продолжил уже деловым, приказным тоном:

— Ладно, слушай и запоминай. Завтра суббота. Поедешь на книжный развал, что на Советской. Там найдешь человека в черном пальто и фетровой шляпе, он торгует сувенирами из камня и книгами. Зовут его Аркадий Семёнович. Подойдешь к нему и спросишь: «У вас есть книга про уральские камни?» Купишь то, что он тебе протянет. — Голос снова тихо усмехнулся, будто оценив нелепость этого шпионского ритуала. — «Штирлиц»... Книга эта непростая. Обложка на ней обычная, а внутри — наше учение. И смотри внимательно по сторонам. Увидишь там невысокую женщину, она постоянно кашляет, а взгляд у нее темный, мертвый. Ты сразу всё поймешь. Сожми в руке камень, который я тебе сейчас оставляю, и увидишь ее истинное лицо. Но не вздумай пугаться и не подавай виду. Просто спокойно иди мимо.

— А что ей там нужно? — спросил я.

— Тупица, — устало вздохнул голос. — Думаешь, они не знают, кто ты? Пока они не могут причинить тебе вреда. Но это лишь вопрос времени. А времени у нас очень мало.

Его слова начали медленно растворяться, уступая место свинцовому, глухому сну без сновидений.

Утром меня разбудил звонкий детский смех и радостный крик:

— Папа! Папочка, проснись!

Я резко сел на диване, шурясь от яркого субботнего солнца, заливавшего комнату. Голова гудела, будто с похмелья. Я огляделся: телевизор тихо шипел, заполняя комнату серым белым шумом, а сам я лежал прямо в одежде, в которой пришел вчера.

«Привидится же такое...» — с облегчением подумал я, разминая затекшую шею.

Маргаритка со смехом повисла у меня на шее, обнимая теплыми маленькими ручками. Я крепко прижал ее к себе, чувствуя, как ночные страхи без следа растворяются в лучах мирного домашнего утра.

Спустя минуту я сунул руку в карман брюк, машинально нащупывая ключи, и пальцы вдруг наткнулись на что-то постороннее — твердое и холодное.

Затаив дыхание, я медленно вытащил руку и разжал кулак.

На ладони лежал небольшой, странного грязно-зеленого цвета камешек с неестественно гладкой, словно оплавленной поверхностью. Он не походил ни на один земной минерал, что я видел раньше. В первую секунду он показался ледяным, но почти сразу от него поползло едва ощутимое, сухое и глубокое тепло.

Сон перестал быть просто сном. Хранитель оставил мне неопровержимое физическое доказательство. И сегодня мне действительно предстояло отправиться на книжный рынок.

Самая страшная тайна заключается вовсе не в том, что скрыто во тьме, а в том, что эта тьма способна оставлять вполне осязаемые следы на наших ладонях.

Глава девятая. Прикрытие для Штирлица

Стрелки часов в прихожей показывали ровно десять утра. Из кухни доносился аппетитный, сытный запах поджаристых оладий и свежесваренного чая — жена уже всю хлопотала у плиты. Сонный, я поплелся на этот манящий аромат, неся на руках Маргаритку. Дочка крепко обхватила мою шею ручонками и смешно болтала ногами. Старый линолеум в коридоре приятно охлаждал босые ступни.

Жена обернулась, держа в руке лопатку. В её усталом, прищуренном взгляде читался немой упрек:

— Опять за полночь появился.

— Да работы было невпроворот, — виновато соврал я, аккуратно усаживая дочку на табурет. — У Серёги машина сломалась прямо посреди маршрута, а план-то горит. Пришлось его рейсы забирать и крутить баранку до упора.

Я налил себе чаю, сделал вид, что очень заинтересован рисунком на фаянсовой чашке, и как бы невзначай добавил:

— Мне тут отлучиться надо ненадолго. Буквально на пару часов, по делам.

Супруга обиженно поджала губы, отложила лопатку на блюде и скрестила руки на груди:

— Я тебя и так всю неделю почти не вижу. Единственный выходной, и ты снова куда-то бежишь. Нашел себе кого-то на стороне, что ли?

«Это меня нашли...» — едва не сорвалось с языка. От этой мысли между лопаток пробежал ощутимый сквозняк. Но я быстро взял себя в руки, подошел к ней со спины, приобнял за плечи и мягко, примиряюще произнес:

— Ну ладно тебе, глупости какие придумываешь. Серёга попросил книгу по ремонту моторов купить, обещал за это долг старый вернуть. Я быстро — одна нога здесь, другая там.

Жена вздохнула, посмотрела на меня, затем на дочку, которая уже с аппетитом уплетала горячий оладушек, густо макая его в варенье, и наконец сдалась:

— Ладно. Только бери с собой Риту. И идите уже спокойно.

Она наклонилась к девочке, погладив её по мягким волосам:

— Рита, пойдешь с папой прогуляться?

— Пойду! Конечно пойду! — радостно закричала дочка, мгновенно спрыгивая с табуретки, и побежала в комнату одеваться.

Я посмотрел ей вслед и невольно улыбнулся. Необычный грязно-зеленый камешек в кармане моих брюк продолжал излучать едва заметное, сухое тепло. А ведь Хранитель прав: отправиться на оживленный книжный рынок с маленькой дочерью — лучшее прикрытие, какое только можно придумать. Обычный отец с ребенком, неспешно выбирающий книги на развалах. Никаких подозрений, никакого лишнего внимания. И вправду — вылитый Штирлиц.

Я затянул шнурки на ботинках, взял теплую ладошку дочери в свою руку, и мы вышли из квартиры навстречу прохладному октябрьскому утру.

Иногда лучшим щитом от ледяного сквозняка иного мира становится теплая детская ладошка, которая крепко удерживает нас на земле, не позволяя соскользнуть в бездну.

Глава десятая. Книжные развалы и маска из теней

Мы ехали в переполненном, дребезжащем автобусе. Салон немилосердно качало на колдобинах; в душном воздухе смешались запахи сырости, выхлопных газов и дешевого табака, въевшегося в тяжелые драповые пальто пассажиров. Маргаритка всю дорогу без умолку щебетала обо всем на свете. Она то и дело дергала меня за рукав, заставляя отвлечься от тяжелых мыслей:

— Папа, ну ты чего молчишь? Спишь, что ли?

— Нет-нет, егоза, я тебя слушаю, — с улыбкой отвечал я, плотнее прижимая дочку к себе, чтобы её не раздавила угрюмая утренняя толпа.

На очередной остановке двери со скрипом и скрежетом разъехались. Половина пассажиров шумно вывалилась на улицу, и в салоне наконец-то стало свободнее. Мы смогли пересестись на освободившиеся места у окна.

И почти сразу за спиной раздался странный звук. Сухой, прерывистый кашель, пугающе похожий на глухое уханье филина. Я невольно оглянулся.

На сиденье позади нас съежилась крошечная старушка. Ее ноги в растоптанных, потрескавшихся ботинках сиротливо болтались, даже не доставая до грязного, покрытого наледью пола. Плотная серая шаль была наброшена на самую голову и почти полностью скрывала лицо, оставляя на виду лишь острый подбородок. Землисто-серое пальто висело на ней мешком, явно рассчитанное на кого-то покрупнее.

Кашель повторился — тихий, каркающий, от которого по спине побежали мурашки. Маргаритка испуганно прижалась ко мне и прошептала на ухо:

— Папа, а эта тетя заболела?

— Наверное, простудилась, — шепотом ответил я, поспешно отворачиваясь к запотевшему стеклу.

Но в груди уже шевельнулся липкий, холодный страх. Предчувствие беды кольнуло под сердцем.

Когда автобус затормозил на нашей остановке, мы первыми поспешили к выходу. Снег еще не лег, но пронизывающий до костей ледяной октябрьский ветер так и норовил забраться под куртку. Я мимоходом оглянулся на отъезжающий автобус и оцепенел: маленькая фигура в серой шали сошла следом за нами. Сгорбившись, она медленно, но целеустремленно двинулась в нашу сторону.

Маргаритка ничего этого не заметила. Заливисто смеясь, она потянула меня за рукав к пестрым прилавкам:

— Папа, смотри! Камушки! Игрушки!

Книжный рынок бурлил. В безумные девяностые такие места напоминали кипящий котел: люди суетились, громко спорили из-за цен, перебирали затертые видеокассеты, грошовые романы в мягких обложках и дешевую бижутерию. Мы медленно продвигались сквозь плотные ряды.

Вскоре мое внимание привлек один торговец. Он разительно отличался от местных зазывал: мужчина средних лет в строгом черном пальто и фетровой шляпе в тон. Он стоял молча, погруженный в свои мысли, и методично раскладывал на темном сукне изящные шкатулки и фигурки, выточенные из уральских самоцветов.

Крепко сжав ладошку дочери, я шагнул к его прилавку. Возле него как раз торговались двое мужчин. Чтобы не вызывать подозрений, я взял с края стола увесистую аметистовую шкатулку, повертел её, заставляя сиреневые грани ловить тусклый дневной свет, и аккуратно поставил обратно.

Как только покупатели расплатились и скрылись в толпе, я сделал шаг вперед и негромко спросил:

— Здравствуйте. У вас есть книга об уральских камнях?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.